

Аспекты
полисинтетизма:
очерки по грамматике
адыгейского
языка

Москва
2009

УДК 809.46(08)
ББК 81.2-2я43
А90

Редакционная коллегия:
П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий, Н.Р. Сумбатова,
Я.Г. Тестелец (ответственный редактор)

Карту выполнил *Ю.Б. Коряков*

Художник *Михаил Гуров*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 08-04-16213д

ISBN 978-5-7281-1075-0

© Коллектив авторов, 2009
© Коряков Ю.Б., карта, 2009
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

Оглавление

<i>Предисловие</i>	7
<i>Аркадьев П.М., Ландер Ю.А., Летучий А.Б., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г.</i> Введение. Основные сведения об адыгейском языке	17
<i>Аркадьев П.М., Тестелец Я.Г.</i> О трех чередованиях в адыгейском языке	121
<i>Горбунова И.М.</i> Посессивные конструкции	146
<i>Сердобольская Н.В., Кузнецова Ю.Л.</i> Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка	166
<i>Аркадьев П.М.</i> Глагольная акциональность	201
<i>Короткова Н.А.</i> «Прошное» и «сверхпрошное» в адыгейском языке	262
<i>Кузнецова Ю.Л.</i> Модальность в адыгейском языке	287

<i>Летучий А.Б.</i>	
Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений	329
<i>Летучий А.Б.</i> Каузатив, декаузатив и лабильность	372
<i>Мазурова Ю.В.</i>	
Семантика локативных провербов рэ- и § _{we} -	429
<i>Сердобольская Н.В.</i>	
Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки	454
<i>Сердобольская Н.В., Мотлохов А.В.</i>	
Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке	498
<i>Сумбатова Н.Р.</i>	
Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус	559
<i>Ландер Ю.А.</i>	
Множественная релятивизация: подлинная и мнимая	612
<i>Тестелец Я.Г.</i>	
Невыраженные актанты в полипредикативной конструкции	654
<i>Summary</i>	712

*Памяти Мухадина Абубекировича Кумахова
(1928–2008)*

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей по грамматике адыгейского языка написан коллективом авторов на основе полевых материалов, собранных во время четырех лингвистических экспедиций Российского государственного гуманитарного университета. Экспедиции проводились в 2003–2006 гг. в селении Хакурино-хабль Шовгеновского района Республики Адыгея под руководством Н.Р. Сумбатовой, Я.Г. Тестельца и С.Ю. Толдовой.

Кроме студентов и преподавателей РГГУ, в экспедициях участвовали некоторые аспиранты и преподаватели МГУ, а также сотрудники и аспиранты институтов РАН Москвы и С.-Петербурга. В экспедициях в разные годы побывали: студенты РГГУ А.М. Алексеева, А.В. Беляева, Е.М. Будянская, И.М. Горбунова, Е.А. Демьянова, Е.А. Карвовская, И.С. Капитонов, В.И. Киммельман, Н.А. Короткова, Б.В. Кравцов, А.А. Курсакова, А.В. Мотлохов, Л.Н. Николаева, А.Ю. Никонова, Л.Н. Петракова, С.В. Полухина, М.В. Попенко, М.А. Рожнова, О.В. Терехова, Л.С. Холкина; аспиранты РГГУ Ю.Л. Кузнецова, А.Б. Летучий, В.С. Мальцева; студенты МГУ Е.Г. Былина, В.С. Волк, А.П. Леонтьев, С.А. Минор; аспирант, затем научный сотрудник Института славяноведения П.М. Аркадьев; студент, затем аспирант СПбГУ А.П. Выдрин; аспиранты С.-Петербургского Института лингвистических исследований Д.В. Герасимов и С.С. Сай; доцент МГУ Е.Ю. Калинина; научные сотрудники Института языкознания РАН Ю.В. Мазурова и Ф.И. Рожанский; научный сотрудник Института востоковедения РАН Ю.А. Ландер; аспирант МГУ, затем доцент Московского городского психолого-педагогического универ-

Ю.А. Ландер

Множественная релятивизация: подлинная и мнимая*

1 Введение

По меньшей мере начиная с 1960-х годов, особенно после влиятельных работ Дж. Росса [Ross 1967] и Э. Кинэна и Б. Комри [Keenan 1972a; 1972b; 1972c; Keenan, Comrie 1977], релятивизацию – построение относительных конструкций, характеризующих участника ситуации с помощью отсылки к другой ситуации, – принято описывать как установление соответствия между некоторой синтаксической ролью в относительном предложении (мишенью) и синтаксической ролью в матричном предложении (антецедентом). В (1), например, устанавливается соответствие между прямым дополнением зависимой относительной клаузы (*ты мне дал X*) и подлежащим главной клаузы (*X лежит на столе*):

- (1) *Письмо, которое ты мне дал, лежит на столе.*

* Автор признателен многим жителям аула Хакуринохабль, без которых настоящая работа была бы невозможна, а также З.Б. Меретуковой и М.А. Пхачияш за помощь на последней стадии подготовки рукописи. За обсуждение основных положений настоящей работы автор благодарен П.М. Аркадьеву, В.С. Волку, Д.В. Герасимову, Н.А. Коротковой, А.Б. Летучему, Б.Х. Парти, Н.Р. Сумбатовой, Я.Г. Тестельцу, С.Ю. Толдовой, Дж. Хьюиту, Д.А. Эршлеру, а также участникам конференции «Морфосинтаксис кавказских языков» (Париж, 2006 г.), на которой были доложены важнейшие тезисы этой статьи.

Установление такого соответствия изображается в виде операции над группой мишени; при этом говорится о релятивизации некоторой роли в зависимой клаузе. В частности, для (1) можно предположить, что построение относительной конструкции сводится к замене на местоимение прямого дополнения глагола *дал*. В более общем случае, возможно, правильное говорить о семантическом связывании, когда относительное местоимение или его аналог в зависимой клаузе выражают переменную, связанную антецедентом; ср. [Grosu 2002].

Обычно в литературе, касающейся относительных конструкций, речь идет об операции над одной мишенью. Для некоторых теорий релятивизации такое представление оказывается принципиально важным. В первую очередь это касается генеративизма, в котором релятивизация обычно представляется как передвижение мишени в какую-то определенную структурную позицию, оставляющую «пробел» (gap) в исходной позиции (как в английском *the book which he is reading __ now* или в его русском эквиваленте *книга, которую он читает __ сейчас*, где подчеркивание указывает на постулируемый пробел); см. обзоры в [de Vries 2002] и [Bianchi 2002a; 2002b]. Однако не всякая релятивизация допускает представление в качестве операции над одной синтаксической ролью в относительной клаузе и сопоставление ее с одной ролью в матричной клаузе: для ряда языков зафиксирована возможность нарушения взаимно-однозначного соответствия между мишенью и антецедентом. Ср. следующие примеры:

- (2) *Кто бы с кем ни сцепился – не лезьте их разнимать.*
(3) англ. *A boy entered the room and a girl went out who were the same age.*
Букв.: ‘Мальчик вошел в комнату и девочка вышла, которые были одного возраста’.

В русском примере (2) клауза *кто бы с кем ни сцепился* содержит две мишени, обозначенные местоименными формами *кто* и *кем*, которые соответствуют одному антецеденту (прямому дополнению) в главной клаузе. В английском примере (3), заимствованном из [de Vries 2002: 67], относительная клауза примыкает одновременно к двум клаузам, причем мишень (подлежащее относительного предложения) соответствует двум антецедентам – *a boy* ‘мальчик’ в первой клаузе и *a girl* ‘девочка’ во второй. Наличие в одной конструкции нескольких мишеней или нескольких антецедентов именуется в литературе множественной релятивизацией (см., например, [Srivastav 1991; de Vries 2002]).

На основании (2)–(3) и других подобных примеров, встречающихся в литературе, можно было бы сделать эмпирический вывод, что

множественная релятивизация требует выполнения двух условий: (i) относительное предложение (или предложение, функционально аналогичное относительному) не образует единой именной группы (ИГ) с выражением антецедента; (ii) между антецедентом/антецедентами и мишенью/мишенями устанавливаются меронимические отношения, т. е. либо антецедент указывает на множество, элементами которого являются референты мишени, либо наоборот. Тем не менее в абхазо-адыгских языках обнаруживается конструкция, которая удовлетворяет представленному выше пониманию множественной релятивизации, но не отвечает ни одному из этих условий.

Во всех абхазо-адыгских языках (адыгейском, кабардино-черкесском, убыхском, абазинском и абхазском) относительные конструкции дают точное указание на то, какая синтаксическая роль релятивизируется. Для большинства ролей при их релятивизации личный префикс, соответствующий мишени, заменяется на особый релятивный префикс. Однако во всех этих языках, по-видимому, за исключением убыхского, при кореферентности нескольких синтаксических ролей в одном относительном предложении можно наблюдать несколько релятивных показателей¹:

- Адыгейский язык
- (4) сиклэлэеджаклоу зятэ зэриуагъэр
 s-jə-č'eleježak_w-ew z-jate
 1SG.PR-POSS-ученик-ADV REL.PR-POSS+отец
 z-e-rjə-?_wa-ve-r
 REL.IO-OBL-3SG.A-говорить-PST-ABS
 'ученик, которому рассказал (это) его отец'
 Букв.: 'ученик, которому отец которого (это) рассказал'
- Кабардино-черкесский язык [Багов и др. (ред.) 1970: 74]
- (5) зи гугъуехъ зыгъэз
 z-jə-g_wəwəjeħ zə-vez
 REL.PR-POSS-трудности REL.A-поворачивать
 'тот, который переносит трудности (свои)'
 Букв.: 'который поворачивает трудности которого'

¹ Неочевидные сокращения в глоссах, не входящие в общий список настоящего сборника, включают: ACT – активный залог, AOR – аорист, ART – артикль, DTR – «детерминативный» (отыменной) преверб, F – женский класс, GEN – генитив, IPF – имперфект, N – средний класс, NFIN – нефинитная форма, PASS – пассивный залог; PRS – настоящее время. Нулевые морфемы выделяются только в тех примерах, где они важны для понимания. Именные группы, включающие относительные конструкции и приводимые в контексте, выделяются квадратными скобками.

Абхазский язык [Hewitt 1979b: 166]

- (6) зхарц зшэызцоз ахаца
 z-xarɕ z-š_wə-z-c'o-z a-xas'a
 REL.PR-рубаха REL.IO-DTR-REL.A-надеть-IPF:NFIN ART-мужчина
 'мужчина, надевающий свою рубашу'
 Букв.: 'мужчина, который надевает на которого рубашу которого'

Абазинский язык [Генко 1955: 134]

- (7) зхъа йызынкъвымгауа
 z-qa jə-z-zə-n-k_wə-m-ga-wa
 REL.PR-голова 3SG:N.ABS-REL.IO-BEN-DIR-LOC-NEG-вести-PRS:NFIN
 'не умеющий себя вести'
 Букв.: 'который не умеет вести голову которого'

Каждая из этих конструкций образует единую ИГ, отношения между мишенями и антецедентом не основаны на меронимии – и тем не менее взаимно-однозначное отношение между мишенью и антецедентом здесь нарушено. Кроме того, подобные конструкции эксплицитно запрещались в литературе. Например, Кинэн [Keenan 1972b; 1972c] еще при определении релятивизации вводил понятие «главное вхождение» (prime occurrence) релятивизируемого, которое и становится мишенью, в то время как возможные кореферентные группы остаются незатронутыми релятивизацией. Все это делает абхазо-адыгскую множественную релятивизацию особо интересным объектом для изучения.

Конструкции вроде (4)–(7) были замечены в абхазо-адыгских языках уже Ж. Дюмезилем [Dumézil 1932: 245]. Для абхазского языка они описываются в [Hewitt 1979b] (см. также [Hewitt 1979c: 37; 1987: 199ff]), для абазинского – в [O'Herin 2002: 270–275], для кабардино-черкесского – в [Бижоев 1991: 28; Кумахов (ред.) 2006: 293]. Что касается адыгейского, то эти конструкции упоминаются в [Paris 1989: 231], но особое внимание уделяется им в работе [Hewitt 1979a], которая, правда, дает лишь предварительный набросок адыгейских построений в сопоставлении с абхазским.

Настоящая работа в большой степени носит описательный характер. Ее главная цель – предоставить портрет множественной релятивизации и некоторых сходных конструкций, не привязанный к какой-либо узкой теоретической трактовке организации относительных конструкций и адыгейского языка. Вместе с тем, как мы увидим, рассматриваемое явление дает повод для интересных заключений касательно как типологии релятивизации, так и устройства адыгейского

языка. Помимо собственно множественной релятивизации ниже обсуждается также релятивизация из зависимых клауз, обнаруживающая ряд сходств с основным объектом данного исследования.

Работа строится следующим образом. В п. 2 даются общие сведения о релятивизации в адыгейском языке. В п. 3 описывается собственно множественная релятивизация, а в п. 4 – релятивизация из зависимых клауз. Последняя часть работы содержит выводы. Приложение включает обсуждение иерархии ролей, обнаруживаемой при исследовании множественной релятивизации в адыгейском языке.

2

Основы адыгейской релятивизации

2.1. Каноническая релятивизация в адыгейском языке

Функциональному определению релятивизации, данному в начале статьи, могут соответствовать весьма разные конструкции (см. прежде всего [Зализняк, Падучева 1975; Lehmann 1984; Keenan 1985; Andrews 2007]). Несмотря на это, в исследованиях по относительным конструкциям присутствует представление о «канонической релятивизации» – образце, который должен рассматриваться как релятивизация независимо от теоретических установок исследователя. Этому образцу соответствует конструкция, подразумевающая включение относительной клаузы в ИГ антецедента. Хотя такие конструкции не универсальны (ср. классическую статью [Hale 1976] об отсутствии канонической релятивизации в некоторых языках Австралии), только они, по-видимому, являют четкие примеры противопоставления релятивной функции прочим синтаксическим функциям, обнаруживаемым в полипредикативных конструкциях.

В адыгейском языке под каноническую релятивизацию подпадают построения вроде тех, что выделены в (8) и (9):

- (8) ... [шхъангъупчъэм джъ шыт столым] кIэрысэу, тхэу, сынэгу кыкIэхъа.

[šhank_wəpčə-m dež' š'ə-t stolə-m] č'e-rə-s-ew
 ОКНО-ERG К LOC-СТОЯТЬ СТОЛ-ERG LOC-INSTR-сидеть-ADV
 tx-ew s ə-neg_w qə-č'-a-ha
 писать-ADV 1SG.PR-глаз DIR-LOC-DYN-уходить
 'Мои глаза видят, как он сидит и пишет за столом, который стоит возле окна...'

- (9) [Щаеу тнэ афигъэхъазырышъэр афихъэщтыгъ]
 [š'aj-ew t-jane a-f-jə-ke-hazəgə-ke-r]
 чай-adv 1PL.PR-POSS+мать 3PL.IO-BEN-3SG.A-CAUS-готовый-PST-ABS
 a-f-jə-he-š'tə-к
 3PL.IO-BEN-3SG.A-носить-AUX-PST
 'Он носил им чай, который готовила наша мать'.

Эти конструкции, безусловно, образуют единую составляющую. На это указывает их неразрывность: последовательности вроде (8') и (9'), в которых внутри этих конструкций вклинены сказуемые матричных клауз, не получают естественной интерпретации:

- (8') *šhank_wəpčə-m dež' č'e-rə-s-ew š'ə-t stolə-m...
 ОКНО-ERG К LOC-INSTR-сидеть-ADV LOC-стоять СТОЛ-ERG

- (9') *š'aj-ew a-f-jə-he-š'tə-к t-jane
 чай-ADV 3PL.IO-BEN-3SG.A-носить-AUX-PST 1PL.PR-POSS+мать
 a-f-jə-ke-hazəgə-ke-r
 3PL.IO-BEN-3SG.A-CAUS-готовый-PST-ABS
 a-f-jə-he-š'tə-к
 3PL.IO-BEN-3SG.A-носить-AUX-PST

Кроме того, конструкции в (8)–(9) маркируются падежом, указывающим на роль антецедента, и, значит, должны считаться ИГ антецедента. С точки зрения функции, важно, что подчиненные предложения в таких построениях *специализируются* на описании характеристик участника. К тому же они почти всегда рестриктивны: их основной семантический вклад состоит в том, чтобы сузить возможную референцию ИГ – так, в (8) речь идет не о любом столе (даже если множество столов контекстно задано), но лишь о том столе, который стоит у окна и т. д. Для ввода существенной информации об уже известных референтах (нерестриктивная функция) обычно используются другие конструкции. Например, при описании участников 1-го или 2-го лица, чья референция, естественно, уже задана контекстом, используется «деепричастная конструкция», отличная от тех, которые представлены в (8)–(9)²:

² Запрет на нерестриктивные относительные предложения не ведет к невозможности сочетаний релятивных клауз с именами собственными. Это связано с тем, что имена собственные, хотя чаще всего и имеют жесткую референцию, т. е. указывают на уникальный (в данном контексте) объект, все же могут представляться и как описывающие класс называемых таким именем объектов (ср. *Иваны*), который допускает сужение референции.

- (10) О сиунэ зэхэкьутагъэу ахъэкIэ укъысэлъауа?
 we s-jə-wəne ze.xe-p-qwəta-k-ew
 ты 1SG.PR-POSS-дом LOC-2SG.A-разрушить-PST-ADV
 ахъ'е-щ'е wə-qə-s-e-лe?w-a
 деньги-INS 2SG.ABS-DIR-1SG.IO+OBL-DYN-просить-Q
 'Ты, разрушивший мой дом, еще просишь у меня денег?'
 Букв.: 'Ты, разрушив мой дом, просишь у меня деньги?'

В некотором смысле рестриктивность подчеркивает каноничность адыгейских относительных конструкций: не существует языков, где каноническая относительная конструкция обладала бы преимущественно нерестриктивной функцией, в то время как языки с почти исключительно рестриктивными каноническими относительными конструкциями встречаются в разных ареалах (ср. [Keenan, Comrie 1977; Nikolaeva 2006: 502]). По-видимому, к этой последней группе относится и адыгейский язык.

2.2. Стратегии релятивизации

В адыгейском языке имеются две *стратегии релятивизации*, т. е. два формальных способа установления роли мишени. Первая стратегия – *немаркированная* – используется при релятивизации абсолютного актанта зависимой клаузы. В этом случае роль мишени специально в сказуемом не маркируется; ср. независимую клаузу (11a) и относительную конструкцию (11b):

- (11) а. Сэ тхылъыр сьыгъ.
 se txələ-g s-ʔəv
 я книга-ABS 1SG.A-держатъ
 'Я держу книгу'.
 б. сэ сьыгъ тхылъыр
 se s-ʔəv txələ-g
 я 1SG.A-держатъ книга-ABS
 'книга, которую я держу'

Вторая стратегия – *прономинальная* – обнаруживается при релятивизации неабсолютных актантов, т. е. в первую очередь актантов сказуемого, посессоров одной из именных групп или объектов послелога. Тогда на месте личного префикса, соответствующего мишени, появляется релятивный маркер зə-. Ср. (12), где релятивному префиксу в относительной клаузе соответствует личный префикс агенса в независимом предложении:

- (12) а. КIалэм апчыр ыкьутагъ.
 č'ale-m arč'ə-g ə-qwəta-k
 парень-ERG стекло-ABS 3SG.A-разбивать-PST
 'Мальчик разбил стекло'.
 б. апчыр зыкьутагъэ кIалэр
 arč'ə-g zə-qwəta-ke / č'ale-g
 стекло-ABS REL.A-разбить-PST парень-ABS
 'мальчик, разбивший стекло'

Естественно, правило замещения личным префиксом касается и нулевых суффиксов непрямого объекта и посессора, поскольку соответствующие актанты не абсолютные; см. (15).

2.3. Ограничения на релятивизацию

Из сказанного выше следует, что, помимо абсолютного актанта (зачастую в сказуемом не выраженного), в адыгейском языке релятивизовываться может только мишень, которой в предложении соответствует какой-либо личный префикс. Так, актанту, описывающему цель, при глаголе qeḵwež'əp 'возвращаться' не соответствует никакой личный префикс (13a), поэтому релятивизовываться стандартным способом этот актант не может (13b):

- (13) а. Синьбджэгъу икьуаджэ кьэкIожьыгъ.
 s-jə-nəbžəw jə-qwažə qe-ḵwe-ž'ə-k
 1SG.PR-POSS-друг POSS-село DIR-идти-RE-PST
 'Мой друг вернулся в свой аул'.
 б. *qwaž-ew s-jə-nəbžəw qe-ḵwe-ž'ə-ke-g
 село-ADV 1SG.PR-POSS-друг DIR-идти-RE-PST-ABS
 (Ожид.: 'аул, в который вернулся мой друг')

Однако в этом случае (как и в некоторых других) в глагол посредством объектной деривации может быть введена «фиктивная» префиксальная актантная позиция, в которой и происходит релятивизация. Например, в (14a) в сказуемом появляется локативный префикс объектной деривации de-, который определяет роль вводимого им релятивизуемого непрямого объекта. Сушествуемо, что, как показывает (14b), в независимом предложении соответствующая актантная позиция присутствовать не может – она вводится исключительно для релятивизации³.

³ (14b) неграмматично только в искомом значении. Поскольку префикс de- может вводить, кроме локативного, также комитативного участника, это предложение допустимо в значении 'Мой друг вернулся в свой аул вместе с ним'.

- (14) a. кьуаджэу сыныбджэгъу кьыздэкложьыгъэр
 qwaʒ-ew s-jə-nəbʒek_w qə-z-de-k_we-ʒ'ə-ke-r
 село-ADV 1SG.PR-POSS-друг DIR-REL.IO-LOC-идти-RE-PST-ABS
 'аул, в который вернулся мой друг'
- b. *s-jə-nəbʒek_w jə-qwaʒe qə-Ø-de-k_we-ʒ'ə-ke
 1SG.PR-POSS-друг POSS-село DIR-3SG.IO-LOC-идти-RE-PST
 (Ожид.: 'Мой друг вернулся в аул').

Следует заметить, что референтные актанты, которым не соответствует актантных морфологических позиций, в адыгейском языке довольно маргинальны. За исключением них адыгейский язык фактически не накладывает в простых клаузах ограничений на релятивизацию, ориентированных на синтаксические позиции, вроде тех, что обычно обсуждаются в литературе (ср. [Hewitt 1979a]). Так, наиболее известная статья [Keenan, Comrie 1977], обсуждающая такие ограничения, ограничивается, помимо рассмотрения ядерных ролей и непрямого и косвенного объекта, обсуждением посессора и объекта сравнения. В адыгейском языке обоим этим ролям тоже могут соответствовать личные префиксы, из чего следует, что они релятивизуемы. В посессивной конструкции (15a) имеется нулевой личный префикс на имени, выражающем объект обладания; в соответствующей относительной конструкции (15b) он замещается релятивным префиксом. В сравнительной конструкции (16a) объекту сравнения соответствует личный префикс на частице nah 'более', а при релятивизации (16b) он замещается префиксом zə-.

- (15) a. Тхаклом иунэ музееу аштагъ.
 txaq_we-m Ø-jə-wəne muzje-jew
 писатель-ERG 3SG.PR-POSS-дом музей-ADV
 a-ʃta-ke
 3PL.A-принимать-PST
 'Дом писателя превратили в музей'.
- b. зиунэ музееу аштагъэ тхаклор
 z-jə-wəne muzje-jew a-ʃta-ke
 REL.PR-POSS-дом музей-ADV 3PL.A-принимать-PST
 txaq_we-r
 писатель-ABS
 'писатель, чей дом превратили в музей'
- (16) a. А шхыныгъом анахь Iashly шыIəp.
 a ʃxəpək_we-m a-nah ʔaʃ_wə ʃ'ə-ʔ-ep
 тот пища-ERG 3PL.IO-более вкусный LOC-быть-NEG
 'Нет вкуснее этих блюд'.

- b. зынахь Iashly шымыIə шхыныгъо
 zə-nah ʔaʃ_wə ʃ'ə-mə-ʔe ʃxəpək_we
 REL.IO-более вкусный LOC-NEG-быть пища
 'блюдо, вкуснее которого нет'

В то же время в адыгейском языке имеются неролевые запреты на релятивизацию. К ним относятся основные «островные» ограничения (см. [Ross 1967]), заключающиеся в запрете на релятивизацию из сочинительной конструкции (17)⁴ и из относительного предложения (18):

- (17) *aslan a-r ə-ʔwa-ke əʃ'jə
 Аслан тот-ABS 3SG.A-говорить-PST и
 z-e-plə-ke ɕəf-xe-r
 REL.IO-OBL-смотреть-PST человек-PL-ABS
 (Ожид.: 'люди такие, что Аслан это сказал и посмотрел на них')
- (18) *pqəw-ew zə-lex_wə-ke-r ʃeʒ'
 предмет-ADV REL.A-видеть-PST-ABS память
 jə-mə-ʔ-ew qe-ne-ʃ'tə-r
 LOC-NEG-быть-ADV DIR-оставаться-FUT-ABS
 (Ожид.: 'такой предмет, что увидевший его останется без памяти';
 букв.: 'предмет, который увидевший его останется без памяти')

Невозможна и релятивизация из зависимых клауз, оформленных показателем zəge- и указывающих на факты или образ действия:

- (19) a. Сэ кьэсэшIэжы о ахэм лы зэрябгъэшхыщтыгъэр.
 se qe-s-e-ʃe-ʒ'ə we a-xe-m
 я DIR-1SG.A-DYN-знать-RE ты тот-PL-ERG
 zer-ja-b-ke-ʃxə-ʃ'tə-ke-r
 FCT-3PL.IO+OBL-2SG.A-CAUS-есть-AUX-PST-ABS
 'Я помню, что ты кормил их мясом / как ты кормил их / мясом'.

⁴ Речь в данном случае идет о сочинительных конструкциях, в которых сочиненные элементы проявляют более или менее одинаковые синтаксические свойства. Типичные для абхазо-адыгских языков конструкции, в которых один из семантических конъюнктов проявляет отдельные свойства подчинения, здесь не рассматриваются.

- b. *çəf-x-ew lə
 человек-PL-ADV мясо
 zere-ze-b-ke-šxə-ke-xe-r se
 FCT-REL.IO+OBL-2SG.A-CAUS-есть-PST-PL-ABS я
 qe-s-še-ž'ə-ge-r
 DIR-1SG.A-знать-RE-DYN-ABS
 (Ожид.: 'люди, такие что я помню, что ты накормил их мясом')

Впрочем, как аргументируется в [Герасимов, Ландер 2008], эти образования, возможно, сами представляют собой относительные предложения, а показатель zere- является сочетанием релятивного префикса ze- и инструментального проверба ge-. Тогда запрет на релятивизацию из подобных клауз оказывается частным случаем запрета на релятивизацию из относительных конструкций.

Релятивизация из других типов подчиненных клауз, напротив, на первый взгляд, по крайней мере иногда возможна, хотя в п. 4 это будет поставлено под сомнение:

- (20) сыкъэзыбытынкIə сə сызшыцынэрэ цIыфхэр
 sə-qe-zə-wəbətə-n-č'e se
 1SG.ABS-DIR-REL.A-поймать-POT-INS я
 sə-z-š'ə-š'əne-ge çəf-xe-r
 1SG.ABS-REL.IO-LOC-бояться-DYN человек-PL-ABS
 'люди, такие что я боюсь (букв. их), что они меня поймают'

2.4. Семантическая вершина

Еще один важный параметр описания относительных конструкций связан с семантической вершиной – именем (или сочетанием имени и определений), которое дает лексическое описание мишени и/или антецедента (далее под вершиной будет пониматься именно семантическая вершина относительной конструкции; строго говоря, такая вершина не обязана быть синтаксической вершиной ИГ).

Вершина может выступать в двух позициях. В конструкции с внешней вершиной она располагается после относительного предложения и образует синтаксическое ядро всей сложной ИГ: именно она маркируется падежом, определяющим роль составляющей в объемлющей клаузе (в (21a) это абсолютив). В конструкции с вложенной

вершиной последняя располагается внутри относительной клаузы и маркируется адвербиальным суффиксом -ew (21b)⁵.

- (21) a. [Cə lof zydəšlagažəxə klaləxər] kьысэдэлущтыгъэх.
 [se ?wef zə-de-s-ša-ke-xe č'ale-xe-r]
 я работа REL.IO-COM-1SG.A-делать-PST-PL парень-PL-ABS
 qə-se-de-?wə-š'tə-ke-x
 DIR-1SG.IO-COM-говорить-AUX-PST-PL
- b. [Cə klaləxəy lof zydəšlagažəxər] kьысэдэлущтыгъэх.
 [se č'ale-x-ew ?wef
 я парень-PL-ADV работа
 zə-de-s-ša-ke-xe-r]
 REL.IO-COM-1SG.A-делать-PST-PL-ABS
 qə-se-de-?wə-š'tə-ke-x
 DIR-1SG.IO-COM-говорить-AUX-PST-PL
 'Дети, с которыми я работал, меня слушались'.

Позиция вложенной вершины в относительном предложении не вполне произвольна. Для многих носителей адыгейского языка действуют два следующих ограничения:

- (22) Вложенная группа вершины не может располагаться между составляющей, содержащей релятивный префикс, и сказуемым относительного предложения.
- (23) Вложенная группа вершины не может располагаться между абсолютивной ИГ и сказуемым относительного предложения.

Действие первого ограничения (22) проиллюстрировано в (24): приемлемый первый пример, в котором вершина располагается после включенного в относительное предложение обстоятельства, контрастирует с неприемлемым вторым, где вершина «передвинута» далее в глубь релятивной клаузы и оказывается между именем с релятивным префиксом и сказуемым:

⁵ Относительные конструкции с вложенной вершиной встречаются во многих языках мира и особенно распространены в полисинтетических языках [Kibrik 1992; Baker 1996: 162–176]. Особенность адыгейской конструкции состоит в том, что семантическая вершина получает специальное оформление. Возможно, составляющая, маркированная адвербиальным суффиксом, является ингерентно предикативной, а структурно представляет собой клаузу. Сходная точка зрения высказывается в [Шагиров 2001]; см. также [Vydrin 2008].

- (24) а. тыгъуасэ хъэу зишхын кIодыгъэр
 тэк_wase h-ew z-jə-šxən к_we.də-ke-г
 вчера собака-ADV REL.PR-POSS-еда пропадать-PST-ABS
- б. *тыгъуасэ зишхын хъэу кIодыгъэр
 тэк_wase z-jə-šxən h-ew к_we.də-ke-г
 вчера REL.PR-POSS-еда собака-ADV пропадать-PST-ABS
 'собака, чья еда вчера испортилась'

Действие правила (23) показано в (25): сравнение первого сочетания со вторым демонстрирует, что абсолютная ИГ блокирует возможность появления вложенной вершины за ней:

- (25) а. тыгъуакIоу дышъэр зыIэпытэкъугъэр
 тэк_wak_w-ew dəše-г zə-ʔe.pə-teq_wə-ke-г
 вор-ADV золото-ABS REL.IO-LOC-рассыпаться-PST-ABS
- б. *dəše-г тэк_wak_w-ew zə-ʔe.pə-teq_wə-ke-г
 золото-ABS вор-ADV REL.IO-LOC-рассыпаться-PST-ABS
 'вор, у которого золото выпало из рук'

Необходимо подчеркнуть, что правила (22)–(23) иногда нарушаются, причем ограничение (23), связанное с абсолютивной ИГ, по-видимому, менее устойчиво, чем ограничение (22), связанное с составляющей, включающей относительный префикс.

2.5. Динамический суффикс

В заключение данной части упомянем косвенный признак релятивизации, обычно наличествующий в относительных клаузах со сказуемым – динамическим предикатом настоящего времени. В то время как презентные динамические сказуемые в независимых предложениях содержат динамический префикс me-/e- (26a), аналогичные сказуемые в релятивных клаузах маркируются вместо него суффиксом -ге (26b):

- (26) а. КIалэхэм адэжь сэкIожьы.
 č'ale-xe-m a-dež' s-e-к_we-ž'ə
 парень-PL-ERG 3PL.PP-к 1SG.ABS-DYN-идти-RE
 'Я иду к детям'.
- б. зыдэжь сыкIожьырэ кIалэхэр
 zə-dež' sə-к_we-ž'ə-re č'ale-xe-г
 REL.PP-к 1SG.ABS-идти-RE-DYN парень-PL-ABS
 'дети, к которым я иду'

В литературе суффикс -ге нередко трактуется как показатель причастий (см., например, [Яковлев, Аишамаф 1941: 338; Кумахов 1989: 255; Гишев 1989: 184; Бижоев 1991: 23]), хотя в [Smeets 1984] он глоссируется как «второй динамический показатель». Некоторые аргументы против интерпретации данного суффикса как причастного предложены в [Ландер 2005]; они основывались на том, что, помимо «причастных употреблений» -ге, он имеет употребления, с относительными конструкциями не ассоциирующиеся (этот суффикс используется в части отрицательных конструкций, а также может быть отождествлен с одним из «деепричастных показателей»). Дialeктные данные также указывают, что -ге нельзя считать суффиксом, образующим причастия: например, в отдельных говорах причерноморских шапсугов этот маркер в относительных конструкциях факультативен, а динамичность в них может быть выражена специальным префиксом, дистрибуция которого никак с «причастными употреблениями» не связана [Lander 2007].

3

Множественная релятивизация

3.1. Общие сведения

Как было сказано выше, множественная релятивизация в адыгейском языке наблюдается, когда в относительной конструкции присутствуют по меньшей мере две кореферентные роли и они кодированы как релятивизованные. Ср. независимые клаузы (27a) и (28a) с относительными (27b) и (28b):

- (27) а. Ятэ икартинэ естыгъ.
 Ø-jate jə-kartine Ø-je-s-tə-к
 3SG.PR-POSS+отец POSS-картина 3SG.IO-OBL-1SG.A-давать-PST
 'Я подарил ему_i картину его_i отца'.⁶
- б. зятэ икартинэ эстыгъэр.
 z-jate jə-kartjəne z-e-s-tə-ke-г
 REL.PR-POSS+отец POSS-картина REL.IO-OBL-1SG.A-давать-PST
 'тот, кому_i я подарил картину его_i отца'
 Букв.: 'тот, которому я подарил картину отца которого'

⁶ Одинаковые индексы указывают на кореферентность, разные – на некорреферентность.

- (28) а. Сэ ащ пIастэ езгъэшхыгъ ыдэжъ.
 se a-š' paste Ø-je-z-ke-šxə-к ə-dež'
 я тот-ERG пасте 3SG.IO-OBL-1SG.A-есть-PST 3SG.PP-к
 'Я накормил его, пасте⁷ у него, дома'.
- б. зыдэжъ пIастэ зызгъэшхыжыгъэр
 zə-dež' paste z-e-z-ke-šxə-ž'ə-ke-г
 REL.PP-к пасте REL.IO-OBL-1SG.A-CAUS-есть-RE-PST-ABS
 тот, кого, я накормил пасте у него, дома
 Букв.: 'тот, которого я накормил пасте дома у которого'

В (27b) как релятивизованные маркируются одновременно не прямой объект, указывающий на реципиента, и посессор абсолютной группы, в (28b) – не прямой объект, соответствующий каузируемому агенту, и объект послелого. Эти относительные клаузы параллельны независимым клаузам (27a) и (28a), в которых, однако, кореферентность соответствующих актантов факультативна. Дополнительные примеры множественной релятивизации приведены в (29)–(31):

- (29) зыдэжъ хьырбыдз шызышхыштагъэр
 zə-dež' hərbəz š'ə-zə-šxə-š'tə-ke-г
 REL.PP-к арбуз LOC-REL.A-есть-AUX-PST-ABS
 'тот, кто ел арбуз у себя дома'
- (30) зиунэ зышIыжышъэр
 z-jə-wəne zə-šə-ž'ə-š-wə-ge-г
 REL.PR-POSS-ДОМ REL.A-делать-RE-HBL-DYN-ABS
 'тот, кто может починить свой дом'

Множественная релятивизация в адыгейском языке не является обязательной: допустима ситуация, когда не все кореферентные актанты маркированы как релятивизованные. Так, наряду с конструкцией с множественной релятивизацией (31a), где релятивизованы послеложное дополнение и агент, разрешается и потенциально синонимичная конструкция (31b), в которой релятивизован только агент:

- (31) а. цIыфэу мы цыгъор зыдэжъ кышызыубытыщтыгъэр
 çəf-ew mə səw-e-г zə-dež'
 человек-ADV этот мышь-ABS REL.PP-у
 qə-š'ə-zə-wəbətə-š'tə-ke-г
 DIR-LOC-REL.A-схватить-AUX-PST-ABS
 'человек, который ловил эту мышь у себя дома'

⁷ Пасте – адыгейское национальное блюдо.

- б. цIыфэу мы цыгъор ыдэжъ кышызыубытыщтыгъэр
 çəf-ew mə səw-e-г ə-dež'
 человек-ADV этот мышь-ABS REL.PP-у
 qə-š'ə-zə-wəbətə-š'tə-ke-г
 DIR-LOC-REL.A-схватить-AUX-PST-ABS
 'человек, который ловил эту мышь у себя/у него дома'

Как показано в приложении, выбор релятивизируемого актанта не произволен: в первую очередь должен релятивизовываться актант, стоящий выше в иерархии АГЕНС > КАУЗИРУЕМЫЙ АГЕНС > (АБСОЛЮТИВ) > НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ, вводимый ПРЕФИКСОМ КОСВЕННООБЪЕКТНОЙ ДЕРИВАЦИИ > НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ, вводимый ОБЪЕКТНОЙ ДЕРИВАЦИЕЙ > ПОСЕССОР АБСОЛЮТИВНОГО АКТАНТА > ПОСЕССОР НЕАБСОЛЮТИВНОГО АКТАНТА > ОБЪЕКТ ПОСЛЕЛОГА (условность включения в иерархию абсолютивной роли объясняется тем, что это включение определяется исключительно рефлексивной конструкцией, а для относительной неприменимо; см. п. 3.3, а также обсуждение в приложении).

3.2. Чем не является адыгейская множественная релятивизация

Наиболее тривиальной причиной появления нескольких релятивных показателей, в принципе, могло бы быть наличие нескольких относительных конструкций внутри одной ИГ, иллюстрируемое следующим примером:

- (32) [нытыхэу [гушыIэ дэй зыIохэрэ цIыфхэр] зымыкIасэхэр]
 [nə-tə-x-ew [g_wəš'ə'e de] zə-?we-xe-ge
 мать-отец-PL-ADV слово плохой REL.A-говорить-PL-DYN
 çəf-xe-г] z-jə-mə-ç'ase-xe-г]
 человек-PL-ABS REL.PR-POSS-NEG-любимый-PL-ABS
 'родители, не любящие сквернословящих людей'

В (32) имеется несколько релятивных показателей, но они принадлежат разным относительным конструкциям, одна из которых 'люди, которые сквернословят' вложена в другую 'родители, которые не любят X', что подтверждается некорреферентностью мишеней.

Впрочем, в адыгейском языке возможны и случаи, когда мишени относительных конструкций кореферентны, но вложение одной конструкции в другую вполне очевидно. Такая ситуация имеет место при нанизывании относительных предложений, т. е. при наличии нескольких релятивных клауз, последовательно сужающих референцию ИГ. Чаще всего нанизывание в адыгейском языке предполагает ис-

пользование конструкции с вложенной вершиной, в качестве которой выступает другая относительная конструкция:

- (33) [тыгъуасэ хьэу сызэуагъэу] лы зышхырэр
 [təḡ_wase h-ew sə-z-e-wa-ḡ-ew] lə
 вчера собака-ADV 1SG.ABS-REL.IO-OBL-бить-PST-ADV мясо
 зə-šxə-ge-ḡ
 REL.A-есть-DYN-ABS
 ‘вчера побитая мною собака, которая ест мясо’

В (33) относительная конструкция ‘собака, которую я вчера побил’ одновременно описывает мишень относительной конструкции ‘X, который ест мясо’. Очевидно, что такие построения, как (33), похожи на примеры, приведенные выше в качестве иллюстрации множественной релятивизации, и вместе с тем никак не противоречат теориям релятивизации.

Другой тип конструкций, с которыми может быть сопоставлена адыгейская множественная релятивизация, связан с «паразитическими пробелами» (parasitic gaps), наблюдаемыми и в языках с менее экзотическими относительными конструкциями и которым посвящена значительная литература (см., например, классическую статью [Engdahl 1983] и сборник [Culicover, Postal (eds.) 2001]). Суть этого явления состоит в том, что в относительных и некоторых сходных конструкциях может иметься несколько внешне незаполненных структурных позиций, получающих кореферентную интерпретацию; ср. английский пример из [Engdahl 1983: 5]: *This is a kind of food you must cook ___ before you eat ___* ‘Это такая еда, которую надо готовить (ee), прежде чем есть (ee)’. При анализе обычно считается, что один из пробелов (нижестоящий в структуре) соотносится не с передвинутой группой, а с первым пробелом, т. е. по сути два актанта являются неравноправными [Там же].

Несмотря на внешнее сходство, адыгейская множественная релятивизация не сводима ни к одной из этих двух конструкций. Так, носители адыгейского языка допускают множественную релятивизацию внутри одной словоформы, хотя такая ситуация и представляется им достаточно маргинальной⁸:

- (34) сызыфызыдэупклатэщтыгъэр
 sə-zə-fə-zə-de-wəpč'ate-š'tə-ḡ-ḡ
 1SG.ABS-REL.IO-BEN-REL.IO-COM-рубить-AUX-PST-ABS
 ‘тот, для кого, я рубил вместе с ним.’

⁸ Для родственного кабардино-черкесского языка такие примеры приводятся в некотором количестве в [Бижоев 1991: 28; Кумахов (ред.) 2006: 293].

(34) исключает вложение одной относительной конструкции в другую – приведенная форма тогда должна была бы принадлежать обеим конструкциям, а значит, вопреки сказанному выше допустимой оказывалась бы релятивизация из относительной клаузы. Кроме того, данный пример исключает и возможность сопоставления множественной релятивизации с паразитическими пробелами: какие-либо свидетельства в пользу того, что данные маркеры являются неравноправными, отсутствуют.

Против вложения одной относительной конструкции в другую при множественной релятивизации имеются и аргументы, не связанные с морфологически сложными примерами. Вершина в конструкции с множественной релятивизацией, как и в простой относительной конструкции, не может стоять после составляющей, содержащей релятивный префикс; ср.:

- (35) a. klaləu zikašə ləxə zышхыгъэр
 č'al-ew z-jə-kaše ?ahe zə-šxə-ḡ-ḡ
 парень-ADV REL.PR-POSS-каша доля REL.A-есть-PST-ABS
 b. *z-jə-kaše ?ahe č'al-ew zə-šxə-ḡ-ḡ
 REL.PR-POSS-каша доля парень-ADV REL.A-есть-PST-ABS
 ‘мальчик, съевший свою порцию каши’

Если бы здесь действительно имелось вложение одной относительной конструкции в другую, в (35b) вложенная вершина могла бы принадлежать верхней конструкции (при условной структуре [[zjəkaše ?ahe] č'aləw zəšxəḡḡ]) – и это не нарушало бы ограничения на позицию вложенной вершины, описанные в п. 2.3. Тем не менее (35b) оказывается неприемлемо, из чего можно сделать вывод, что в (35a) – единая относительная конструкция.

3.3. Ограничение на множественную релятивизацию с абсолютивной мишенью

На множественную релятивизацию в адыгейском языке накладывается специальное ограничение:

- (36) Множественная релятивизация невозможна, если одной из мишеней является абсолютивный актант.

Поскольку релятивизация абсолютивного актанта никак не маркируется, ничто, казалось бы, не должно препятствовать кореферентности актанта, который маркирован релятивным префиксом, имплицитно релятивизованному абсолютивному актанту. Между тем

(37)–(39) интерпретируются большинством информантов как не содержащие релятивизацию абсолютивного актанта:

(37) зятэ ылъэгъугъэр

z-jate ə-лэк_wə-кe-г

REL.PR-POSS+отец 3SG.A-видеть-PST-ABS

‘тот, чьего_i отца он_j видел’

‘тот, чей_i отец его_j видел’⁹

*‘тот, кого_i видел его_j отец’

(38) зыш мылэрысэ шыуцакърэр

zə-š məʔegəse š_wə-je-saqe-ge-г

REL.PR-брат яблоко MAL-OBL-кусать-DYN-ABS

‘тот, чей_i брат кусает яблоко против его_{j/i} воли’

*‘тот, кто_i против воли своего_i брата кусает яблоко’

(39) зышлуальэгъугъэр

zə-š_w-a-лэк_wə-кe-г

REL.IO-MAL-3PL.A-видеть-PST-ABS

‘тот, вопреки кому они увидели это’

*‘тот, кого они увидели вопреки воле его самого’

Чем мотивировано указанное ограничение? В принципе, (36) может быть переформулировано как запрет на совмещение двух стратегий релятивизации в одной конструкции. Однако само по себе такое совмещение ничему не противоречит. В частности, в родственном абхазском языке подобный запрет отсутствует:

Абхазский язык [Hewitt 1979b: 163]

(40) зан илыцымныкэаз ачкэын

z-an jə-lə-sə-m-nəq_w’a-z

a-č’k_w’ən

REL.PR-мать 3SG:N.ABS-3SG:F.IO-COM-NEG-идти-AOR:NFIN ART-парень

‘мальчик, который не пошел со своей матерью’

В абхазском языке, противопоставляющем личные префиксы мужского, женского и неличного классов, этот контраст нейтрализуется при релятивизации абсолютивного актанта: в соответствующей ему морфологической позиции появляется неличный префикс 3-го лица единственного числа (при релятивизации прочих актантов

⁹ Двузначность возникает благодаря тому, что свободная ИГ здесь не маркирована падежом (поскольку посессивные группы обычно падежом не маркируются) и, соответственно, может описываться как агенс, так и абсолютивный актант.

соответствующие им личные префиксы, как и в адыгейском языке, заменяются на релятивные). В (41) мы наблюдаем нейтрализацию классного противопоставления в позиции абсолютивного префикса (соответствующий ему актант, очевидно, должен принадлежать мужскому классу), а также релятивный префикс посессора в морфологической позиции непрямого объекта, введенного комитативным превербом. Таким образом, в (40) наблюдается релятивизация как посессора дополнения, введенного объектной деривацией в глаголе, так и абсолютивного актанта. Как показывает адыгейский пример (41), в котором релятивизован посессор непрямого объекта, вводимого превербом fe-, в адыгейском языке такая кореферентность запрещена:

(41) зыш фэсшагъэр

zə-š fe-s-š’a-ke-г

REL.PR-брат BEN-1SG.A-вести-PST-ABS

‘тот, к чьему_i брату я его_{j/i} повел’

Поскольку в основных своих чертах релятивизация в адыгейском языке и в абхазском языке организована одинаково, искать мотивировку адыгейского запрета на множественную релятивизацию с абсолютивной мишенью, видимо, следует в особых различиях между двумя языками, но этот вопрос остается за рамками данной работы¹⁰.

4

Релятивизация из зависимых клауз

4.1. Общие сведения

Выше уже говорилось, что адыгейский язык, на первый взгляд, допускает релятивизацию актантов из глубоко вложенных клауз (кроме релятивных), зачастую запрещенную или по крайней мере затрудненную и/или требующую вспомогательных средств в других языках (см. [Keenan 1972a]). Ср.:

(42) тхылъыхэу узджэн фаехэр

txələ-x-ew wə-z-e-že-n

fa.je-xe-г

книга-PL-ADV 2SG.ABS-REL.IO-OBL-читать-POT должный-PL-ABS

‘книги, которые тебе надо прочитать’

¹⁰ См., впрочем, приложение, в котором высказывается гипотеза о связи рассматриваемого запрета с немаркированностью релятивизации абсолютивного актанта в адыгейском языке.

В этом примере релятивизация эксплицитно обозначена только в зависимой клаузе¹¹. Однако нередко релятивный префикс присутствует и в зависимой клаузе, и в матричной относительной клаузе. Так, в (43), судя по расположению релятивных префиксов, релятивизации подвергнуты как вводимый бенефактивным превербом непрямым объект зависимого составного предиката 'знакомить' (букв. 'делать знакомым'), так и один из актантов глагола 'хотеть':

- (43) къэбарэу нэлуасэ (...) шъуэфэсшынуу сызыфаер
 qeбар-ew ne'wase (...) šwə-z-fe-s-šə-n-ew
 новост-ADV знакомый 2PL.ABS-REL.IO-BEN-1SG.A-делать-POT-ADV
 sə-zə-fa.je-r
 1SG.ABS-REL.IO-хотеть-ABS
 'новость, с которой я хочу вас познакомить'

Эти построения не маргинальны. Так, в [Тов 2005] приводится большое количество примеров вопросов к составляющим зависимых клауз, подразумевающих релятивизацию из этих клауз¹². Ср.:

- (44) [Къаймэтэу къушъхэм дэсэу зигугъу ашлрэр] ора?
 [qajmet-ew qwəshe-m de-s-ew z-jə-gwəkwə
 Каймет-ADV гора-ADV LOC-сидеть-ADV REL.PR-POSS-упоминание
 a-š-re-r] we-r-a
 3PL.A-делать-DYN-ABS ты-PRED-Q
 'Ты (есть) Каймет, о котором говорят, что он в горах живет?'
 [Там же: 18]
- (45) Хэта ар [Кукоу зыдэжъ сыпцэнэу Юсуф зыфилаугъэр]?
 хет-а а-г [kwəkw-ew zə-dež' sə-p-š'e-n-ew
 кто-Q тот-ABS Куко-ADV REL.PP-к 1SG.ABS-2SG.A-вести-POT-ADV
 jwəsəf zə-f-jə-?wa-ke-r]
 Юсуф REL.IO-BEN-3SG.A-говорить-PST-ABS
 'Кто она, Куко, к которой, как сказал Юсуф, ты меня отведешь?'
 [Там же: 18]
 Букв.: 'Кто она, Куко, к которой Юсуф сказал, что ты меня отведешь?'

¹¹ На протяжении всей этой части статьи под зависимыми и матричными/главными клаузами имеются в виду соответствующие клаузы в составе сложного относительного предложения (т. е. речь не идет о матричном предложении, в которое включена вся относительная конструкция).

¹² Принципы организации вопросов в адыгейском языке и их связь с релятивизацией рассматриваются в статье Н.Р. Сумбатовой «Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус» в наст. сб.

Такая релятивизация допускается для актантов самых разных зависимых клауз. Ниже представлены примеры, в которых мишень принадлежит клаузам, описывающим актанты (оформленные адвербиальным суффиксом -ew (46), суффиксом потенциалиса -п (47), их сочетанием -п-ew (48), «инструментальным» маркером -č'e (49)), сирконстанты (маркированные -п-ew (50), показателем одновременности -ze (51) и показателем кондиционалиса -me (52)).

Релятивизация из актантных клауз:

- (46) цыфэу клэлиты зылу о къэплагъэр
 çəf-ew ç'el-jə-twə z-jə-?ew we
 человек-ADV парень-LNK-два REL.IO-LOC-быть-ADV ты
 qe-p-?wa-ke-r
 DIR-2SG.A-говорить-PST-ABS
 'человек, о котором ты сказал, что у него два сына'
- (47) быгъу псэу зышхын зыльэкыштыр
 bəkwə psewə zə-šxə-n zə-λeç'ə-š'tə-r
 бык целый REL.A-есть-POT REL.A-мочь-FUT-ABS
 'тот, кто может (букв. сможет) съесть быка'
- (48) сызэпльынэу чыплэхэу зызфэгъэхъаырыгъэр
 sə-z-e-ple-n-ew çəpe-x-ew
 1SG.ABS-REL.IO-OBL-смотреть-POT-ADV место-PL-ADV
 zə-z-fe-z-ke-hazəgə-ke-r
 RFL.ABS-REL.IO-BEN-1SG.A-CAUS-готовый-PST-ABS
 'места, на которые я собирался посмотреть'
- (49) кашэу къэмыхъугъэклэ сызэнэгъуерэр
 kaš-ew qe-mə-xwə-ke-č'e
 каша-ADV DIR-NEG-случаться-PST-INS
 sə-z-e-negwəje-re-r
 1SG.ABS-REL.IO-OBL-предполагать-DYN-ABS
 'каша такая, что мне кажется, что она не готова'

Релятивизация из сирконстантных клауз:

- (50) сипхъорэлъфэу шъхъантэ къызфэсщэфынэу сызфаклоштыгъэр
 s-jə-pxwəreləf-ew šhante
 1SG.PR-POSS-внук-ADV подушка
 qə-z-fe-s-š'efə-n-ew
 DIR-REL.IO-BEN-1SG.A-покупать-POT-ADV
 sə-z-fa-kwə-š'tə-ke-r
 1SG.ABS-REL.IO-BEN-идти-AUX-PST-ABS
 'мой внук, которому я шла купить подушку'

- (51) урамэу титхьаматэ зэрыкlo пэтзэ гэшлэгъон горэ зыщильэгъ-
угъэр
wəram-ew t-jə-thamate ze-rə-k_we pe-t-ze
улица-ADV 1PL.PR-POSS-начальник REL.IO-INSTR-идти LOC-стоять-SIM
keʃek_wen g_were zə-ʃ'-jə-лэк_wə-кe-г
удивительный некий REL.IO-LOC-3SG.A-видеть-PST-ABS
'улица, проходя по которой, наш начальник увидел нечто стран-
ное'
- (52) цыфэу ахьщэ кьызэстымэ тучаным клон зылэкIыштыр
cəf-ew aχʃ'e qə-z-e-s-tə-me
человек-ADV деньги DIR-REL.IO-OBL-1SG.A-давать-COND
t_wəʃanə-m k_we-n zə-лeç'ə-ʃ'tə-г
лавка-ERG идти-POT REL.A-мочь-FUT-ABS
'человек такой, что если я ему дам денег, он сможет сходить в
магазин'

Большинство из этих примеров (а именно все, кроме (46) и (49)) обнаруживают признаки релятивизации как в зависимой, так и в главной клаузах. Это явление, очевидно, претендует на то, чтобы считаться множественной релятивизацией. И все же ниже мы увидим, что эта претензия является, по меньшей мере, спорной.

4.2. Требование «релятивизации сверху»

Обилие примеров, в которых наблюдается более одного релятивного префикса, не случайно. По-видимому, такие высказывания – следствие обнаруживаемого у многих носителей адыгейского языка требования «релятивизации сверху»:

- (53) Требование релятивизации сверху (жесткая версия):
Релятивизация актанта зависимой клаузы должна сопровождаться релятивизацией какого-либо кореферентного актанта матричной относительной клаузы.
- Так, в следующем примере релятивизируется актант глагола səzaweze 'когда я ударял', но при этом обязательной признается релятивизация одного из актантов глагола 'надеяться':
- (54) сызаозэ, сэ ыклоцI сифэнэу сызтенэцIыхьаштыгъэ /
*сытенэцIыхьаштыгъэ шхьангъупчъэр
sə-z-a-we-ze se ə-k_weç
1SG.ABS-REL.IO-OBL-ударять-SIM я 3SG.PP-внутри
s-jə-fe-n-ew sə-z-tje-neçə-ha-ʃ'tə-кe /
1SG.ABS-LOC-попадать-POT-ADV 1SG.ABS-REL.IO-LOC-вожделеть-AUX-PST

- *sə-Ø-tje-neçə-ha-ʃ'tə-кe šxan_wəpçe-г
1SG.ABS-3SG.IO-LOC-вожделеть-AUX-PST окно-ABS
'окно, ударя по которому я надеялся проникнуть внутрь'
Букв.: 'окно, ударя по которому я надеялся на которое проник-
нуть внутрь'

Когда в верхней клаузе уже имеется кореферентный актант, при релятивизации задействуется именно он. В (54) таким актантом оказывается не прямой объект глагола 'надеяться'. В (55) сказуемое матричной клаузы ('читать') содержит указание на неабсолютный актант, соответствующий мишени и вводимый префиксом косвенно-объектной деривации, – соответственно, форма этого сказуемого без релятивного префикса в данном контексте не принимается.

- (55) тхыльэу нэмыкIым кьафилотэнэу зэджагъэр / *еджагъэр
txəl-ew neməç'ə-m q-a-f-jə-ʔ_wete-n-ew
книга-ADV другой-ERG DIR-3PL.IO-BEN-3SG.A-рассказать-POT-ADV
z-e-ʒa-кe-г / *Ø-je-ʒa-кe-г
REL.IO-OBL-читать-PST-ABS 3SG.IO-OBL-читать-PST-ABS
'книга такая, что чтобы рассказать о ней другим, он ее читал'

Если необходимый актант в матричной клаузе не предусмотрен, адыгейский язык позволяет такому актанту появиться с помощью одного из двух механизмов – вставки актанта и переосмысления уже имеющегося актанта.

Вставка актанта состоит в том, что в главную клаузу с помощью объектной деривации вводится кореферентный мишени актант, который затем релятивизируется. Иногда подобный ввод (в независимых клаузах не требуемый, хотя и возможный) дублирует информацию, выраженную в зависимой клаузе. Например, в (56) семантическая роль мишени выражена дважды – в зависимой клаузе предикатом bkefje-deze 'когда ты используешь (это)' / 'то, что когда ты это используешь' и в матричном сказуемом инструментальным превербом, вводящим релятивный префикс:

- (56) сишъэжьыеу бгъэфедзэ о хьалыгъур зэрэубзырэр
s-jə-šež'ə-j-ew b-кe-fjede-ze we haləw_wə-г
1SG.PR-POSS-нож-ADV 2SG.A-CAUS-полезный-SML ты хлеб
ze-re-wə-bzə-re-г
REL.IO-INSTR-2SG.A-резать-DYN-ABS
'мой нож, используя который, ты режешь хлеб'

Иногда в матричную клаузу вводится актант, который в параллельном независимом предложении выражен быть не может. В каком-то смысле данный актант является фиктивным, его появление обусловлено исключительно необходимостью релятивизации в главной клаузе. В качестве маркера роли фиктивного актанта обычно выступает «бенефактивный» префикс *fe-*: в (57a) и (58a) данным префиксом вводится релятивизованный актант верхней клаузы, в (57b) и (58b) демонстрируется, что в параллельных независимых предложениях этот актант представлен быть не может (в (58b) соответствующий комплекс объектной деривации получает адресатное значение и не может указывать на тему речи):

- (57) a. *пшъашъэу сызэплъэ сызфылъэпэуагъэр*
pšaš-ew sə-z-e-pl-ze
 девушка-ADV 1SG.ABS-REL.IO-OBL-смотреть-SML
сə-z-fə-лeрewa-кe-г
 1SG.ABS-REL.IO-BEN-спотыкаться-PST-ABS
 'девушка, смотря на которую, я споткнулся'
- b. *Пшъашъэм сеплъэ сылъэпэуагъ / *сыфылъэпэуагъ.*
pšaše-m s-Ø-je-pl-ze
 девушка-ERG 1SG.ABS-3SG.IO-OBL-смотреть
*сə-лeрewa-к / *сə-Ø-fə-лeрewa-к*
 1SG.ABS-спотыкаться-PST 1SG.ABS-3SG.IO-BEN-спотыкаться-PST
 'Смотря на девушку, я споткнулся'.
- (58) a. *чъьерэу лъыжым пцъы зыфиусырэ клалэр*
čəje-g-ew λəž'ə-m pčə
 спать-DYN-ADV старик-ERG ложь
зə-f-jə-wəsə-re č'ale-g
 REL.IO-BEN-3SG.A-сочинять-DYN-ABS парень-ABS
 'парень такой, что старик врет, что он спит'
- b. *Лъыжым пцъы кыфеусы, клалэр чъыеу.*
λəž'ə-m pčə qə-Ø-f-j-e-wəsə
 старик-ERG ложь DIR-3SG.IO-BEN-3SG.A-DYN-сочинять
č'ale-g čəj-ew
 парень-ABS спать-ADV
 'Старик ему / *о нем врет, что парень спит'.

В п. 2.2 показывалось, что аналогичная вставка актанта наблюдается и в более простых конструкциях, т. е. это явление неспецифично для релятивизации из зависимых клауз.

Семантическое переосмысление наблюдается исключительно в конструкциях, которые могут описываться как включающие придаточные дополнительные/сентенциальные актанты и характеризуются тем, что морфологическая структура их матричных предикатов указывает на наличие актанта, соответствующего пропозиции¹³. В относительных конструкциях такой актант может быть переосмыслен как соответствующий релятивизуемому участнику.

Так, в (59a), включающем глагол предположения с корнем *pegwəje-* 'удивлять', мишенями релятивизации оказываются как один из актантов зависимой клаузы, так и непрямой объект матричного глагола, хотя в независимых клаузах вроде (59b) префикс непрямого объекта, скорее, соответствует пропозиции (здесь на это указывает то, что лично-числовые характеристики этого префикса не совпадают ни с одним другим актантом матричного и зависимого предложений):

- (59) a. *сызыгъэшлагъонэу пкъыгъохэу сызэнэгухэрэр*
sə-zə-ke-šakwe-n-ewpɔ əkwə-x-ew
 1SG.ABS-REL.A-CAUS-чудесный-POT-ADV предмет-PL-ADV
сə-z-e-negwəje-xe-re-g
 1SG.ABS-REL.IO-OBL-предполагать-PL-DYN-ABS
 'вещи, которые, мне кажется, меня удивят'
 Букв.: 'вещи, которые мне кажутся, (что) которые меня удивят'
- b. *Сэ сенэгые ахэм сагъэшлагъонэу.*
se s-Ø-je-negwəje a-xe-m
 я 1SG.ABS-3SG.IO-OBL-предполагать TOT-PL-ERG
s-a-ke-šakwe-n-ew
 1SG.ABS-3PL.A-CAUS-чудесный-POT-ADV
 'Мне кажется, что они меня удивят.'

То, что релятивизация в таких случаях действительно приводит к переосмыслению конструкции, можно показать на примере релятивизации актанта вложенной клаузы в полипредикативной конструкции с глаголом *fejen* 'хотеть'. Как видно из (60), такая релятивизация приводит к появлению релятивного префикса в одной из актантных морфологических позиций этого глагола; простая относительная конструкция (61) с релятивным префиксом в той же позиции демонстрирует, что эта позиция соответствует объекту желания:

¹³ См. [Кумахов, Вамлинг 1998] о подобных конструкциях в кабардино-черкесском языке.

- (60) узхэпкIэнэу сызыфаер / *сыфаер
 wə-z-xe-pç'e-n-ew sə-zə-fa.je-r /
 2SG.ABS-REL.IO-LOC-прыгать-POT-ADV 1SG.ABS-REL.IO-хотеть-ABS
 *sə-Ø-fa.je-r
 1SG.ABS-3SG.IO-хотеть-ABS
 'то, куда я хочу, чтоб ты прыгнул'
- (61) джэгуальэу сызыфаер
 žeg_wal-ew sə-zə-fa.je-r
 игрушка-ADV 1SG.ABS-REL.IO-хотеть-ABS
 'игрушка, которую я хочу'

Можно предположить, что в (60) мишень релятивизации тоже интерпретируется как объект желания, в то время как зависимая клауза функционирует не в качестве актанта глагола 'хотеть', но лишь как описание свойств данного актанта. Тогда ИГ (60) должна буквально переводиться как 'то, что я хочу таким, чтобы ты туда прыгнул'. Однако возможность такой же конструкции, но без релятивизации сомнительна – параллельные построения с выраженным личным префиксом, соответствующим объекту желания, и с подчиненной клаузой носителями не принимаются:

- (62) УахэпкIэнэу сыфай / *сафай.
 w-a-xe-pç'e-n-ew sə-Ø-fa.j /
 2SG.ABS-3PL.IO-LOC-прыгать-POT-ADV 1SG.ABS-3SG.IO-хотеть
 *s-a-fa.j
 1SG.ABS-3PL.IO-хотеть
 'Я хочу, чтобы ты в них прыгнул'.

Возможность семантического переосмысления обусловлена тем, что маркирование пропозициональных актантов в независимых предложениях не указывает на то, что они служат актантами: в адыгейском языке для таких составляющих используются те же показатели, что и для обстоятельственных клауз. Вследствие этого в относительных конструкциях при релятивизации актанта матричной клаузы может возникать многозначность, обусловленная тем, что подчиненная клауза допускает как актантную, так и сирконстантную интерпретации:

- (63) сыныбджыгъоу альэгъоу сызыщыщынэрэ
 s-jə-nəbžə_w-ew a-лєк_w-ew
 1SG.PR-POSS-друг-ADV 3PL.A-видеть-ADV
 sə-zə-š'ə-š'əne-re-r
 1SG.ABS-REL.IO-LOC-бояться-DYN-ABS

Актантная интерпретация:

- a. 'мой друг, которого я боюсь, что они видят'

Сирконстантная интерпретация:

- b. 'мой друг, которого я боюсь, в то время как они видят (что-то/кого-то/его)'

В этом случае семантически прозрачна только сирконстантная интерпретация, в то время как актантная интерпретация представляет собой следствие возможности семантического переосмысления.

Несмотря на наличие таких техник следования жесткой версии требования релятивизации сверху, как вставка актанта и семантическое переосмысление, среди носителей адыгейского языка наблюдается вариативность в том, что касается обязательности этого принципа. Для некоторых это правило абсолютно: какой-то актант должен быть релятивизован в матричной клаузе всегда. Для других, однако, действует более мягкая версия ограничения:

- (64) Требование релятивизации сверху (мягкая версия):
 При релятивизации актанта зависимой клаузы и наличии кореферентного ему актанта в главной клаузе последний должен быть также релятивизован.

Основное отличие мягкой версии требования релятивизации сверху от жесткой состоит в том, что (64) не требует наличия кореферентного актанта в матричной клаузе; этот принцип относится только к тем случаям, когда такой актант уже присутствует. В результате в конструкциях, где в главной клаузе какое-либо указание на мишень отсутствует, релятивизация только в зависимой клаузе данной группой носителей допускается, хотя и не всегда уверенно (по возможности более жесткий принцип все же соблюдается). Ср. (65), отличающееся от приведенного выше (50) лишь тем, что в главной клаузе здесь отсутствует указание на бенефицианта:

- (65) сипхьорэльфэу шъхьантэ кьызфэсщэфынэу сыклоштыгъэр
 s-jə-pχ_werəlf-ew šhante
 1SG.PR-POSS-внук-ADV подушка
 qə-z-fe-s-š'efə-n-ew sə-к_we-š'tə-ke-r
 DIR-REL.IO-BEN-1SG.A-покупать-POT-ADV 1SG.ABS-идти-AUX-PST-ABS
 'мой внук, которому я шла купить подушку'

Судя по всему, мягкая версия требования релятивизации сверху в большей степени распространена среди младшего поколения носителей языка и, возможно, является следствием переосмысления по-

строения в качестве обычной относительной конструкции. Далее нас будет интересовать преимущественно жесткая версия требования.

Вне зависимости от описанной вариативности, если в матричной клаузе релятивизация уже маркирована, в зависимой клаузе она может и не происходить. Например, в (66) релятивный префикс обязан присутствовать в сказуемом матричной клаузы, но его наличие в зависимой клаузе факультативно:

- (66) у(зы)щыпсэуу мэлакIэ узщымылIэщтыр / *ущымылIэщтыр
 wə-(zə)-š'ə-psew-ew melač'e
 2SG.ABS-REL.IO-LOC-жить-ADV голод
 wə-z-š'ə-mə-λe-š'tə-r /
 2SG.ABS-REL.IO-LOC-NEG-умереть-FUT-ABS
 *wə-š'ə-mə-λe-š'tə-r
 2SG.ABS-REL.IO-LOC-NEG-умереть-FUT-ABS
 'место), находясь в котором с голоду не умишь'

Таким образом, на первый взгляд, здесь действует принцип, аналогичный описанному выше для множественной релятивизации в простой клаузе: синтаксические роли не равноправны в том, что касается обязательности их релятивизации и/или их способности связывать другие актанты. В частности, при релятивизации актанта, имеющего роль и в матричной, и в зависимой клаузах, предпочтение по релятивизации отдается той роли, которую он имеет в матричной клаузе. И все же имеется ряд аргументов против такой простой трактовки. Эти аргументы излагаются в п. 4.3.

4.3. Релятивизация из зависимых клауз vs. множественная релятивизация

Релятивизация из зависимых клауз отличается от множественной релятивизации, описанной в п. 3, по ряду признаков.

Во-первых, следование принципу обязательности релятивизации актанта главной клаузы может приводить к весьма специфическим конструкциям. Существенно, что явления, подобные вставке актанта или переосмыслению конструкции, не наблюдаются при множественной релятивизации в пределах простой клаузы. Это делает вероятным то, что релятивизация из зависимых клауз представляет собой конструкцию, принципиально отличную от релятивизации из матричных клауз.

Во-вторых, выявленный в п. 3.3 запрет на кореферентность релятивизируемой мишени и абсолютного актанта для конструкций с

релятивизацией из зависимых клауз не действует. Так, в (67) кореферентны абсолютный актант подчиненной клаузы и непрямым объектом матричной клаузы, а в (68) – релятивизованный агент зависимой клаузы и абсолютный актант матричной клаузы¹⁴:

- (67) синыбджыгъоу альэгъунэу сызыщыщынэрэр
 s-jə-nəbžəw-ew a-λekwə-n-ew
 1SG.PR-POSS-друг-ADV 3PL.A-видеть-POT-ADV
 sə-zə-š'ə-š'əne-re-r
 1SG.ABS-REL.IO-LOC-бояться-DYN-ABS
 'мой друг, которого я боюсь, что они увидят'
- (68) цыфэу кьэрабгъэ хьун зымылэакинэу тлытэрэр
 čəf-ew qərabkə χwə-n
 человек-ADV трусливый случаться-POT
 zə-mə-λeč'ə-n-ew t-λəte-re-r
 REL.A-NEG-мочь-POT-ADV 1SG.A-считать-DYN-ABS
 'человек, который, как мы считаем, трусливым быть не может'
 Букв.: 'человек, который мы считаем, что трусливым быть не может'

В-третьих, при релятивизации из зависимой клаузы допустимо расположение группы вершины между зависимой клаузой, содержащей релятивный префикс, и сказуемым матричной относительной клаузы:

- (69) сыкьэзыубытынкIэ цыфхэу сэ сызщыщынэхэрэр
 sə-qe-zə-wəbətə-n-č'e čəf-x-ew se
 1SG.ABS-DIR-REL.A-захватывать-POT-INS человек-PL-ADV я
 sə-z-š'ə-š'əne-xe-re-r
 1SG.ABS-REL.IO-LOC-бояться-PL-DYN-ABS
 'люди, которых я боюсь, поскольку они могут меня поймать'

¹⁴ Надо отметить, что, поскольку релятивизация абсолютного актанта не получает формального выражения, в обоих примерах ее присутствие основывается на некоторых допущениях, которые могут быть оспорены: в (67) – на допущении, согласно которому если релевантный участник имеет роль в нижней клаузе, то релятивизация оттуда всегда возможна, а в (68) – на допущении, что релятивизация сверху необходима. Подчеркнем, что (68) допускалось всеми нашими консультантами, включая тех, кто придерживался жесткой версии требования релятивизации сверху. Если это требование выполняется всегда, надо признать (как мы и делаем), что в (68) абсолютный актант действительно релятивизован.

Это нарушает описанный в п. 2.3 запрет на расположение вложенной семантической вершины между составляющей, включающей релятивный префикс, и сказуемым относительной конструкции.

Многие из этих «отклонений» объясняются, если допустить, что релятивизация из зависимой клаузы представляет собой последовательное вложение одной относительной конструкции (в зависимой клаузе) в другую (в матричной клаузе). Требование «релятивизации сверху» в таком случае вызвано тем, что, если в матричной клаузе нет релятивизации, она не может образовывать относительную конструкцию, поскольку релятивизация в зависимой клаузе не имеет к ней непосредственного отношения. Запрет на множественную релятивизацию с абсолютным актантом не должен выполняться в таких конструкциях, поскольку они не представляют собой множественную релятивизацию. Наконец, семантическая вершина в (69) может располагаться за составляющей, содержащей релятивный префикс, поскольку этот релятивный префикс имеет отношение к другой относительной конструкции.

Гипотеза о вложении нескольких относительных конструкций находит дополнительное подтверждение в том, что вложенная семантическая вершина при релятивизации из зависимой клаузы может располагаться внутри этой зависимой клаузы:

- (70) неущ сшзу контрольнэр зытхынэу сызыфаер
 njewəš' s-š-ew kontrol'ne-r
 завтра 1SG.PR-брат-ADV контрольная-ABS
 zə-txən-ew sə-zə-fa.je-r
 REL.A-ПИСАТЬ-ADV 1SG.ABS-REL.IO-ХОТЕТЬ-ABS
 'мой брат, в отношении которого я хочу, чтоб он завтра написал контрольную'

Такое положение семантической вершины, которая, казалось бы, должна была бы относиться к матричной клаузе, получает простое объяснение, если эта группа принадлежит другой относительной конструкции, вложенной в матричную.

Итак, по-видимому, релятивизация из зависимых клауз — это не случай множественной релятивизации; в действительности она происходит циклически, в несколько приемов — сначала в зависимой клаузе, а затем в матричной. С типологической точки зрения это явление представляет значительный интерес и, безусловно, нуждается в подробном изучении, особенно в языках, родственных адыгейскому, где оно тоже наблюдается. Примечательно, впрочем, что картина, наблюдаемая при релятивизации из зависимых клауз в адыгейском языке,

находит параллели вне абхазо-адыгской семьи, а именно в малагасийском языке. Согласно Кинэну [Keenan 1972c], в этом языке релятивизуются только подлежащие, а также подлежащие зависимых клауз, если сами эти клаузы выступают в качестве подлежащих конструкций с пропозициональными актантами, как в следующем примере:

Малагасийский язык [Там же: 175]

- (71) ny vehivavy izay noheverin-dRakoto fa
 ART женщина REL думать:PASS-GEN+Ракото что
 nividy vary
 купить:ACT рис
 'женщина такая, что Ракото думал, что она купила рис'
 Букв.: 'женщина такая, что было думано Ракото, что она купила рис'

Для релятивизации различных семантических ролей малагасийский язык использует так называемые залоговые формы, определяющие какой семантической роли соответствует подлежащее: в приведенном примере представлены пассивный и активный залого. Другими словами, семантическая роль мишени определяется залоговой формой сказуемого. Релятивизация из зависимой клаузы приводит к залоговой перестройке матричной клаузы (глагол ставится в залог, который должен делать подлежащим зависимую клаузу), причем к такой ее перестройке, которая была бы необходима для релятивизации соответствующего пропозиционального актанта. Тем не менее вместо самого пропозиционального актанта оказывается релятивизован один из актантов (а именно подлежащее) зависимой клаузы — в точности, как это происходит при семантическом переосмыслении в адыгейском языке.

6

Заключение

Множественная релятивизация обнаруживает особые сложности для многих грамматических теорий, основанных на относительных конструкциях в европейских языках, где в относительной конструкции допускается только одна мишень. При этом абхазо-адыгская множественная релятивизация занимает особое место в типологии относительных конструкций в силу своей кажущейся уникальности. Насколько известно автору, множественная релятивизация, основанная на кореферентности нескольких ролей, не обнаружена в других языках мира. Это тем более удивительно, если учесть, что абхазо-

адыгская множественная релятивизация семантически совершенно прозрачна и естественна.

Было бы заманчиво попробовать увязать существование множественной релятивизации данного типа с другими характеристиками абхазо-адыгских языков, в первую очередь с их полисинтетизмом, в результате которого морфология по сути берет (или может брать) на себя многие функции синтаксиса. Однако связь множественной релятивизации абхазо-адыгского типа и полисинтетизма прослеживается не слишком четко. Так, можно предположить, что возникновение множественной релятивизации обусловлено тем, что жесткое установление кореферентности (в первую очередь рефлексивизация) в адыгейском языке происходит лишь в рамках одной словоформы и не затрагивает сложные конструкции (см. статью Я.Г. Тестельца «Невыраженные актанты в полипредикативной конструкции» в наст. сб.), а значит, релятивизация нуждается в способах установления кореферентности мишени и прочих актантов, отличных от тех, что демонстрируют другие языки. Но почему в относительных конструкциях жесткое установление кореферентности оказывается более затребовано, чем в простых предложениях, — это остается неясным.

Релятивизация из зависимых клауз, рассмотренная в п. 4, сама по себе является очень интересным объектом изучения, но здесь адыгейский язык, как мы видели, обнаруживает меньше своеобразия: наблюдаемая в нем циклическая релятивизация зафиксирована за пределами абхазо-адыгской семьи — в малагасийском языке. Это, впрочем, заслуживает отдельного внимания, поскольку малагасийский, как и некоторые другие австронезийские языки, показывает значительное сходство в устройстве отдельных фрагментов синтаксиса с адыгейским (это касается, в частности, ослабленного противопоставления частей речи; ср. [Lander, *Testelets* 2006]). Соответственно параллели, обнаруживаемые для адыгейского и малагасийского языков в релятивизации из зависимых клауз, могут быть мотивированы другими схождениями этих языков, хотя какими, еще остается выяснить.

Так или иначе, можно думать, что адыгейская релятивизация таит в себе еще немало вопросов, ответы на которые могут затрагивать и многие другие фрагменты адыгейской грамматики.

Приложение Ограничения на факультативность множественной релятивизации и иерархия ролей в адыгейском языке

Как было сказано в п. 3.1, актанты в адыгейской клаузе, отличаются по тому, насколько для них обязательна релятивизация в условиях наличия кореферентных актантов, и образуют в этом отношении определенную иерархию.

Неравноправие ролей может выражаться разными способами. Ниже рассматриваются основные варианты оценки возможности/обязательности кореферентности в относительных конструкциях, затрагивающих две роли¹⁵.

1. *Релятивизация роли в условиях кореферентности обязательна*. В условиях кореферентности нескольких актантов, связанных с антецедентом, одна из ролей может требовать обязательной релятивизации, в то время как другая (если их две) может получать релятивное оформление лишь факультативно. Эта ситуация показана в (72):

- (72) a. зигъунэгъу пшъашгъэр шлу зылъэгъугъэр
 z-jə-k_wənek_wə pšaše-g š_wə
 REL.PR-POSS-сосед девушка-ABS добро
 zə-lex_wə-ke-g
 REL.A-видеть-PST-ABS
 'тот, кто полюбил свою соседку'
- b. игъунэгъу пшъашгъэр шлу зылъэгъугъэр
 Ø-jə-k_wənek_wə pšaše-g š_wə
 3SG.PR-POSS-сосед девушка-ABS добро
 zə-lex_wə-ke-g
 REL.A-видеть-PST-ABS
 'тот, кто полюбил его/свою соседку'

¹⁵ Кореферентность в таких случаях может зависеть и от некоторых других факторов, в первую очередь от наличия в клаузе реверсивного/рефактивного суффикса -ž'ə и от возможности альтернативных конструкций с интенсификатором jež' и с jadež' — «возвратной формой» послелого dež' со значением 'у себя; к себе'. Четкие правила, касающиеся этих факторов, по-видимому, отсутствуют (на это указывает значительное варьирование среди носителей), поэтому здесь они не учитываются.

- с. зигъунэгъу пшъашгъэр шлу ыльэгъугъэр
 z-jə-к_wəпек_wə рšəše-г š_wə
 REL.PR-POSS-сосед девушка-ABS добро
 ə-лєк_wə-кє-г
 3SG.A-видеть-PST-ABS
 'тот, чью_i соседку он_j, полюбил'

В (72а) релятивизованы посессор абсолютивной ИГ и агенс – кореферентность между ними, естественно, обязательна. В (72b) в качестве релятивизованного обозначен лишь агенс, а посессор абсолютивной ИГ может быть как кореферентен ему, так и некорееферентен. Наконец, (72с) демонстрирует аналогичный пример, в котором релятивизован только посессор; в таком случае его кореферентность с агенсом невозможна. Этот набор примеров показывает, что при кореферентности агенса и посессора абсолютивной ИГ и релятивизации одного из них агенс должен быть маркирован как релятивизованный. Будем считать, что тот актанта, который в таких сочетаниях требует обязательной релятивизации, имеет ранг выше, чем другой актанта.

2. *Релятивизация роли ведет к обязательной кореферентности другой роли.* Если имеется релятивизованная роль и нерелятивизованная роль, то обычно вторая может интерпретироваться некорееферентно, а если релятивизованная роль имеет ранг ниже, то должна интерпретироваться некорееферентно. В очень редких случаях это правило не действует, и личный префикс, не подразумевающий кореферентность, тем не менее указывает на роль, которая в данном сочетании обязательно должна быть кореферента мишени. Ср. следующую минимальную пару:

- (73) а. чэмэу ишклэ зыуж имытыгъэр
 č'em-ew Ø-jə-ške zə-wəž
 корова-ADV 3SG.PR-POSS-теленос REL.PR-след
 jə-mə-tə-кє-г
 LOC-NEG-стоять-PST-ABS
 'корова такая, что ее_i теленок за ней самой_i не бегал (букв. не стоял)'
- б. чэмэу зишклэ ыуж имытыгъэр
 č'em-ew zə-ške ə-wəž
 корова-ADV REL.PR-теленос 3SG.PR-след
 jə-mə-tə-кє-г
 LOC-NEG-стоять-PST-ABS
 'корова такая, что ее_i собственный теленок за ней самой_i не бегал'

В (73а) нерелятивизованный посессор абсолютивной ИГ jə-ške 'ее теленок' может быть как кореферентен, так и некорееферентен релятивизованному посессору zə-wəž 'след которой / за которой'. Однако, как показывает (73b), релятивизация посессора абсолютива приводит к их обязательной кореферентности независимо от того, маркирован ли посессор как релятивизованный. В таком случае также будем считать, что мишень, которая требует кореферентности, имеет более высокий ранг.

3. *Релятивизируется произвольная роль.* При некоторых комбинациях ролей релятивизация любой из них не требует кореферентности, но допускает ее; ср. (74):

- (74) а. цыфэу ыпае зыдэж тхылъ еджэгъахэр
 çəf-ew ə-paje zə-dež' tχəl
 человек-ADV 3SG.PP-для REL.PP-у книга
 š'-je-žє-кє-г
 LOC-OBL-читать-PST-TRM-ABS
 'человек, дома у которого_i он ему_i прочитал книгу'
- б. цыфэу зыпае ыдэж тхылъ еджэгъахэр
 çəf-ew zə-paje ə-dež' tχəl
 человек-ADV REL.PP-для 3SG.PP-у книга
 š'-je-žє-кє-г
 LOC-OBL-читать-PST-TRM-ABS
 'человек, которому_i он у него_i дома прочитал книгу'

В этих примерах релятивизация объектов послелогов ведет себя симметрично. Можно утверждать, что при релятивизации одного из двух кореферентных объектов послелогов они не могут ранжироваться друг относительно друга.

4. *Запрет на кореферентность независимо от выбора маркированного актанта.* Имеется одна комбинация, в которой теоретически возможная кореферентность между разными актантами не допускается вовсе – это комбинация объекта, вводимого объектной деривацией, и объекта, вводимого префиксом косвеннообъектной деривации. Независимо от того, какой из актанта релятивизируется, другой актанта, по оценкам наших консультантов, не может быть кореферентен мишени, если он сам не маркирован как релятивизованный:

- (75) а. зышлузэстыгъэр
 zə-š_wə-z-e-s-tə-кє-г
 REL.IO-MAL-REL.IO-OBL-1SG.A-давать-PST-ABS
 'тот, кому я это навязал'

- Букв.: 'тот, кому_i я это дал против его_i воли'
- b. зышлуэстыгъэр
 зә-šwә-Ø-je-s-tә-кә-г
 REL.IO-MAL-3SG.IO-OBL-1SG.A-давать-PST-ABS
 'тот, вопреки кому_i я это дал ему_{j/i}'
- c. шлузэстыгъэр
 Ø-šwә-z-e-s-tә-кә-г
 3SG.IO-MAL-REL.IO-OBL-1SG.A-давать-PST-ABS
 'тот, кому_i я это дал против его_{j/i} воли'

(75a) представляет собой пример множественной релятивизации, где оба актанта в комбинации маркированы как релятивизованные. (75b) и (75c) демонстрируют примеры, в которых только один из этих актантов маркирован как релятивизованный, а второй оценивается как обязательно некорреферентный мишени.

5. *Корреферентность должна быть обязательно выражена независимыми средствами.* Если комбинация корреферентных ролей предполагает использование рефлексивной конструкции в независимых предложениях, то эта конструкция используется и при релятивизации. Рефлексивная конструкция предполагает замещение префикса рефлексивизованного актанта рефлексивным префиксом, который омонимичен релятивному, но имеет другую дистрибуцию. Эта конструкция используется:

для непереходных глаголов – при корреферентности абсолютного актанта (контролера рефлексивизации) и непрямого объекта,

для каузативных глаголов, образованных от переходных основ, – при корреферентности каузируемого агенса (выраженного в качестве непрямого объекта и выступающего в качестве контролера) и любых других актантов, кроме агенса,

для любого переходного глагола (включая каузативные) – при корреферентности агенса (контролер) и любого другого актанта, выраженного в той же словоформе.

При релятивизации в таких комбинациях ролей контролер рефлексивизации обязательно должен быть маркирован как релятивизованный, поэтому он имеет ранг выше, чем второй актант; ср. (76), демонстрирующий релятивизацию агенса при его корреферентности непрямому объекту:

- (76) письмэ зыфзэгъэклуагъэр
 pis'me zә-fe-z-кә-кә-кә-г
 письмо RFL.IO-BEN-REL.A-CAUS-ИДИ-PST-ABS
 'тот, кто послал себе письмо'

Данные по соотношению рангов разных ролей в условиях корреферентности приведены в таблице.

Таблица 1

	A	IO-Causee	IO	OO	Pr(Abs)	Pr(~Abs)	O _p
A	*	>	>	>	>	?	>
IO-Causee	<	>	>	>	>	>	>
IO	<	<	*	=	> / =	>	=
OO	<	<	=	?	?	> / =	> / =
Pr(Abs)	<	<	< / =	?	*	=	>
Pr(~Abs)	?	<	<	< / =	=	?	=
O _p	>	<	=	< / =	<	=	=

Условные обозначения: A – актер, IO-Causee – каузируемый актер, IO – непрямым объектом, введенный префиксом косвеннообъектной деривации, OO – непрямым объектом, введенный объектной деривацией, O_p – объект послелога, Pr(Abs) – посессор абсолютного актанта, Pr(~Abs) – посессор неабсолютного актанта, > – роль, соответствующая строке, ранжирована выше, чем роль, соответствующая столбцу¹⁶, = – роли, соответствующие строке и столбцу, ранжированы одинаково, слэш указывает на замеченное варьирование, ? – надежные примеры данной комбинации отсутствуют, * – комбинация невозможна в силу единственности роли. Заштрихованные клетки таблицы связаны с рефлексивными конструкциями.

В таблице отсутствует абсолютный актант, поскольку множественная релятивизация с ним запрещена (см. п. 3.3). В то же время стоит подчеркнуть, что при некоторой интерпретации его ранг все же может быть определен. Абсолютный актант должен быть ранжирован ниже, чем агент и каузируемый агент, поскольку при корреферент-

¹⁶ Если два актанта имеют одинаковую роль, их положение в иерархии тоже одинаково. Исключение составляют случаи наличия двух каузируемых акторов, когда один из них (тот, что ближе к основе) получает приоритет над другим.

ности одного из этих актантов с абсолютным используется рефлексивная конструкция, в которой на месте абсолютного префикса появляется рефлексивный. Все прочие роли могут быть ранжированы ниже абсолютива, если считать, что при их эксплицитной релятивизации конструкция предполагает, что абсолютный актанта (для которого эксплицитная релятивизация невозможна) не релятивизован, а кореферентность с ним оказывается невозможна именно в силу его ранга.

Представленные в таблице данные о ранжировании разных ролей позволяют вывести следующую иерархию:

- (77) Агнс > Каузируемый агнс > (Абсолютив) > Непрямой объект, вводимый префиксом косвеннообъектной деривации > Не прямой объект, вводимый объектной деривацией > Посессор абсолютного актанта > Посессор неабсолютного актанта > Объект послелого

Эту иерархию можно интерпретировать двояко:

(i) можно считать ее иерархией склонности к релятивизации (то, что находится выше на данной иерархии, скорее обязано релятивизовываться) – и тогда она может быть отождествлена с известной иерархией доступности ИГ (см. [Keenan, Comrie 1977]);

(ii) можно акцентировать внимание на том, что эта иерархия выявлена на основании связывания – того, как одни актанта определяют референцию других, в каковом случае естественно считать, что она мотивирована известной асимметрией между разными семантическими и синтаксическими ролями в способности выступать антецедентом для анафорически связанного актанта (см., например, [Pollard, Sag 1992]); такая мотивировка учит, между прочим, и роль рефлексивных конструкций в постулировании рассматриваемой иерархии.

Содержательно, впрочем, как релятивизуемость, так и асимметрии в связывании представляют, надо думать, проявления одних и тех же принципов, определяющих приоритет одних ролей над другими.

Литература

- Багов П.М. и др. (ред.) Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука, 1970.
Бижоев Б.Ч. Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик: Нарт, 1991.

Генко А.Н. Абазинский язык. М.: Изд. АН СССР, 1955.

Герасимов Д.В., Ландер Ю.А. Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В.А. Плунгяна, С.Г. Татевосова. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 290–313.

Гишев Н.Т. Глагол адыгейского языка. М.: Прометей, 1989.

Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6. Грамматические и семиотические проблемы. М.: Изд. ВИНТИ, 1975. С. 51–101.

Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.

Кумахов М.А. (ред.) Кабардино-черкесский язык. Т. I. Нальчик: Эль-Фа, 2006.

Кумахов М.А., Вамлинг К. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Lund: Department of Linguistics, Lund University, 1998.

Ландер Ю.А. О маркированности адыгейского «причастного» показателя -re: упражнения в дискурсивных обоснованиях // Четвертая типологическая школа. 21–28 сентября 2005 г. М.: РГГУ, 2005. С. 210–214.

Тов Н.А. Вопросительные и утвердительные формы в адыгейском языке. Майкоп: Адыгея, 2005.

Шагиров А.К. О так называемом превратительном, или выделительном, падеже в адыгских языках // Язык: теория, история, типология / Н.С. Бабенко (ред.). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 502–506.

Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л.: АНИИ культурного строительства, 1941.

Andrews A.D. Relative clauses // Language Typology and Syntactic Description. 2nd edition. Vol. 2: Complex Constructions / T. Shopen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 206–236.

Baker M. The Polysynthesis Parameter. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Bianchi V. Headed relative clauses in generative syntax. Part. 1 // Glot International. 2002a. Vol. 6. P. 197–204.

Bianchi V. Headed relative clauses in generative syntax. Part. 2 // Glot International. 2002b. Vol. 6. P. 235–247.

Culicover P.W., Postal P.M. (eds.) Parasitic Gaps. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2001.

de Vries M. The Syntax of Relativization. Utrecht: LOT Publications, 2002.

Dumézil G. Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie). Paris: Adrien-Maisonneuve, 1932.

Engdahl E. Parasitic gaps // Linguistics and Philosophy. 1983. Vol. 6. P. 5–34.

Grosu A. Strange relatives at the interface of two millennia // Glot International. 2002. Vol. 6. P. 145–167.

- Hale K.L. The adjoined relative clause in Australia // Grammatical Categories in Australian Languages / R.M.W. Dixon (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. P. 78–105.
- Hewitt B.G. The relative clause in Adyghe (Temirgoi dialect) // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 6. 1979а. С. 134–159.
- Hewitt B.G. The relative clause in Abkhaz (Abzui dialect) // Lingua. 1979b. Vol. 47. P. 151–188.
- Hewitt B.G. Abkhaz. Amsterdam: North-Holland, 1979c.
- Hewitt B.G. The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1987.
- Keenan E.L. The logical status of deep structures: Logical constraints on syntactic processes // Proceedings of the XI International Congress of Linguists. Bologna, 1972a.
- Keenan E.L. On semantically based grammar // Linguistic Inquiry. 1972b. Vol. 3. P. 413–461.
- Keenan E.L. Relative clause formation in Malagasy (and some related and not so related languages) // The Chicago Which Hunt / P.M. Peranteau et al. (eds.). Chicago: Chicago Linguistic Society, 1972c. P. 169–179.
- Keenan E.L. Relative clauses // Language Typology and Syntactic Description. Vol. II: Complex Constructions / T. Shopen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 141–170.
- Keenan E.L., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar // Linguistic Inquiry. 1977. Vol. 8. P. 63–99.
- Kibrik A.A. Relativization in polysynthetic languages // International Journal of American Linguistics. 1992. Vol. 58. P. 135–157.
- Lander Yu.A. Relativization in Shapsug Adyghe. Unpublished ms. 2007.
- Lander Yu.A., Testeleys Ya.G. Nouniness and specificity: Circassian and Wakashan. Paper presented at: Universality and Particularity in Parts-of-speech Systems. Center for Language and Communication, University of Amsterdam, June 2006.
- Lehmann Chr. Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik. Tübingen: Narr, 1984.
- Nikolaeva I. Relative clauses // Encyclopedia of Language and Linguistics. 2nd Edition. Vol. 10 / K. Brown (ed.). Amsterdam; London: Elsevier, 2006. P. 501–508.
- O'Herin B. Case and Agreement in Abaza. Dallas: SIL International, 2002.
- Paris C. Esquisse grammaticale du dialecte abzakh (tcherkesse occidental) // The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 2: The North West Caucasian Languages / B.G. Hewitt (ed.). N.Y. : Caravan Books, 1989. P. 154–260.
- Pollard C., Sag I. Anaphors in English and the scope of Binding Theory // Linguistic Inquiry. 1992. Vol. 23. P. 261–303

- Ross J.R. Constraints on variables in syntax. Ph.D. diss., MIT, 1967.
- Smeets R. Studies in West Circassian Phonology and Morphology. Leiden: The Hakuchi Press, 1984.
- Srivastav V. The syntax and semantics of correlatives // Natural Language and Linguistic Theory. 1991. Vol. 9. P. 637–86.
- Vydrin A. Are there depictives in Adyghe? // Secondary Predicates in Eastern European Languages and Beyond / Chr. Schroeder, G. Hentschel, W. Boeder (eds.). Oldenburg: BIS, 2008. P. 424–445.